

УДК 821.161.1-93(Ликстанов И. И.)+821.161.1-31. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-145-153.
ББК Ш383(2Рос=Рус)63-8,443.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ПОВЕСТЬ И. И. ЛИКСТАНОВА «МАЛЫШОК» В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Петров И. В.

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Российская Федерация)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7351-398X>
SPIN-код: 4129-1345

А н н о т а ц и я . Предметом анализа в данной работе являются художественные особенности повести И. Ликстанова «Малышок», посвященной труду подростков на заводах Урала в годы Великой Отечественной войны. Непосредственное внимание уделяется характерному для писателя типу героя и образу мира. Показано, что И. Ликстанову в повести удалось достичь органичного синтеза как новаторских, так и традиционных принципов постижения и претворения реальности. С одной стороны, в поэтическом мире «Малышка» присутствуют образы и мотивы производственного романа, воссозданные с репортерской точностью. Отсюда видение завода как силы, определяющей жизнь героев, использование профессиональной лексики в стилистике повести и появление образных формул, соединяющих боевое и трудовое начала. С другой же стороны, центральное место в повести занимает образ сироты, уже сложившийся в детской литературе и отвечающий реалиям военного времени. В сюжетных коллизиях, сопутствующих этому образу, воплощаются путь духовного взросления ребенка, обретение им и своей семьи, и самого себя. Подчеркивается, что образ сироты в изображении писателем заключает в себе те жизненные проблемы, которые требуют самостоятельного решения, когда уже нельзя полагаться на помощь и защиту близких. Проводится сопоставление образа главного героя с предшествующими и современными ему образами детей-рабочих из произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка, С. Михалкова, Л. Пантелеева, Л. Кассиля, акцентируется их типологическая близость. Среди других особенностей поэтики повести отмечаются усиление лирической линии, метафоризация заводских образов и использование символики, отсылающей к уральской мифологии. Методологической основой нашего исследования станут монографии, посвященные анализу детской литературы (И. Арзамасцева, О. Бухина, Т. Полозова, Бен Хеллман), а также концептуальные труды, рассматривающие жанровую специфику литературы 1930–1940-х годов (К. Кларк, Г. Гюнтер). Научная новизна работы заключается в попытке системного анализа повести И. Ликстанова в историко-литературном контексте.

К л ю ч е в ы е с л о в а : детская литература; детские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; повести; литературные герои; И. И. Ликстанов; тема труда; образ подростка; сиротство; лиризм; уральская мифология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петров, И. В. Повесть И. И. Ликстанова «Малышок» в историко-литературном контексте / И. В. Петров // Филологический класс. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 145–153. – DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-145-153.

THE NOVELLA BY I. I. LIKSTANOV “MALYSHOK” IN THE HISTORICAL-LITERARY CONTEXT

Ilya V. Petrov

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation)
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7351-398X>

Abstract. The article analyzes the artistic features of I. Likstanov’s novella “Malyshok” (The Little Boy), dedicated to the work of teenagers in the factories of the Urals during the Great Patriotic War. Special attention is paid to the type of character and the image of the world typical of the author. The article shows that in his novella, Likstanov managed to achieve an organic synthesis of both innovative and traditional principles of exploration and realization of reality. On the one hand, the poetic world of “Malyshok” contains images and motifs of an industrial novel, recreated with reporter’s accuracy. Hence the vision of the factory as a force determining the life of the characters, the use of professional vocabulary in the style of the novella, and the emergence of figurative formulas combining martial and labor principles. On the other hand, the central place in the novella is occupied by the image of an orphan, which was not new for children’s literature and corresponded to the realities of wartime. The plot collisions accompanying this image embody the path of a child’s spiritual maturation, finding both his family and himself. It is emphasized that the image of an orphan in the writer’s depiction contains those problems of reality that require independent solution, when it is no longer possible to rely on the help and protection of close people. The author compares the image of the main character with the earlier and modern images of child workers from the books by D. N. Mamin-Sibiryak, S. Mikhalkov, L. Panteleev, L. Kassil, and emphasizes their typological similarity. Other features of the poetics of the novella include strengthening of the lyrical line, metaphorization of factory images and the use of symbols referring to the Urals mythology. The methodological basis of this research includes monographs devoted to the analysis of children’s literature (I. Arzamastseva, O. Bukhina, T. Polozova, Ben Hellman), as well as conceptual works considering the genre specificity of literature of the 1930s and 1940s (K. Clark, G. Gunther). The scientific novelty of the work consists in an attempt at systemic analysis of the novella by Likstanov in a historical-literary context.

Keywords: children’s literature; children’s writers; literary creative activity; literary genres; literary plots; literary images; novels; literary characters; I. I. Likstanov; theme of labor; image of a teenager; orphanhood; lyricism; Urals mythology

For citation: Petrov, I. V. (2026). The Novella by I. I. Likstanov “Malyshok” in the Historical-Literary Context. In *Philological Class*. Vol. 31. No. 1, pp. 145–153. DOI: 10.26170/2071-2405-2026-31-1-145-153.

Введение

Как отмечают И. Арзамасцева и С. Николаева, «образ подростка – труженика тыла в годы войны появился прежде всего в поэзии, в стихах Сергея Михалкова и Агнии Барто» [Арзамасцева 2001: 332]. В прозе этот тип героя получает свое художественное осмысление позже – в произведениях Л. Пантелеева и Л. Кассиля. Особое место в этом ряду занимает повесть И. И. Ликстанова «Малышок», написанная в 1947 году. В послевоенный период эта повесть получила поистине всенародное признание. В 1948 году она была удостоена Сталинской премии III степени и была названа, как указывает Б. Хеллман, на втором съезде писателей в речи того же Л. Кассиля «образцовым произведением детской литературы, прославляющим трудовое воспитание детей» [Хеллман 2016: 399]. Самого же главного героя уже сам современный исследователь определяет как «тип сознательного трудящегося и патриота» [Там же: 448]. В Советском Союзе повесть многократно переиздавалась и ее совокупный тираж превысил 1,5 миллионов экземпляров [Все для фронта 2020: 7].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что единственная монография К. Боголюбова, посвященная творчеству И. Ликстанова, была издана еще в 1957 году. Есть также отдельные упоминания в учебниках и учебных пособиях по детской литературе. Так, Т. Полозова называет повесть И. Ликстанова «книгой, вводящей юного читателя в сферу производительного труда» [Русская литература для детей 1998: 372]. Сходной позиции придерживается И. Арзамасцева, выделяя ту же тему труда в качестве ведущей для писателя [Арзамасцева 2001: 332]. Об этом же говорит в своей статье и Е. В. Харитоновна, рассматривая «мотив труда и сопряженный с ним мотив постоянного ожидания фронтом уральского оружия» [Харитоновна 2010: 112]. Отметим при этом, что в данной статье представлены интересные наблюдения над поэтикой пространства в повести, над семантикой образа завода как градообразующего начала.

Содержание повести И. Ликстанова, на наш взгляд, гораздо шире стремления воплотить героический труд детей в годы Великой Отечественной войны. Хотя тема эта, безусловно, является стержневой. В своей работе мы попытаемся определить, какую роль сыграло это произведение в литературе для детей, какой тип героя воплощен в нем и какая особенность творимого писателем образа мира. Методологической основой нашего исследования станут монографии, посвященные анализу детской литературы (И. Арзамасцева, О. Бухина, Т. Полозова, Б. Хеллман), а также концептуальные труды, в которых рассматривается жанровая специфика литературы 1930–1940-х годов (К. Кларк, Г. Гюнтер).

Производственный сюжет и тема труда в повести И. Ликстанова

Приступая к рассмотрению повести И. Ликстанова «Малышок», следует подчеркнуть, что в этом произведении писателю удалось достичь органичного синтеза как новых явлений в литературе, так и ее исконных, глубинных, давно сложив-

шихся принципов постижения мира и человека.

Действительно, при первом приближении в повести И. Ликстанова легко узнаваемы образы и мотивы производственного романа 1930–1940-х годов. Это не случайно, ведь главной темой повести является труд детей, заменивших на заводе своих ушедших на фронт отцов и братьев. Это немаловажный пласт содержания повести. И в определении его исследователи, конечно же, правы. Именно подростки в годы войны создавали «продукцию оборонного назначения», как тогда говорили, изготавливали танки, артиллерийские установки-Катюши, собирали боеприпасы. По разным данным, на заводе Уралмаша к 1 июля 1945 года во всех подразделениях числились 1 498 рабочих в возрасте до 18 лет. Большинство ребят, пришедших к станкам со школьной скамьи, проходили очень скорую и немудреную учебу – 3 недели по основам работы, а дальше их бросали на серийное производство – токарить и фрезеровать по 12 часов в сутки: «Особенно много детей шло на артиллерийский завод № 9 – там нужно было делать маленькие детали, они были по силам подростковым рукам, по их умению»¹.

Известно, что И. Ликстанов долгие годы работал в журналистике. С 1930 года он являлся сотрудником отдела информации газеты «Уральский рабочий». Репортерски точный взгляд на трудовую жизнь проявляется и в его повести. В этом его творческая манера близка художественным приемам, сложившимся в прозе его современников – В. Катаева, И. Эренбурга, М. Шагинян.

Как и в производственном романе, основное действие ограничено рамками завода, но теперь – это особый завод, «который не имел имени, а имел только номер» [Ликстанов 1983: 192]. Очень точно воссоздан сам производственный процесс. И. Ликстанов явно использует профессиональную лексику: «Да, делаем некоторые детали для снаряда “катюши” ... Это сильное оружие. Фронт требует все больше “катюш”, и мы могли бы дать больше, если бы не “рюмка”... Сейчас токари точат “рюмки” из закаленных заготовок. Горят, ломаются резцы, работа идет медленно. Можно было бы точить “рюмки” из сырой, незакаленной стали, а уже потом калишь готовые, но закалка готовой “рюмки” не удастся: у нее слишком тонкие стенки. В закалке “рюмка” деформируется, корежится, получается брак... Сегодня мы успешно закалили только 55 процентов “рюмок» [Там же: 221]. Обратим внимание на элементы научного стиля в речи героини – Нины Павловны, которая заменила на заводе своего мужа, инженера термиста. «Рюмкой» на производстве называется рюмочная фаска, создающая более прочный сварочный шов на детали². Причем для

¹ Рыжаков А. Детство со вкусом железа: как уральские дети работали на благо фронта // Еженедельник «АиФ-Урал». 2015. № 16. URL: <https://ural.aif.ru/pobeda/forgevictory/1490379?ysclid=mkjprkabc865717763> (дата обращения: 20.12.2025).

² Фаска J-типа (рюмочная фаска): преимущества и отличия, оборудование для снятия J фасок. URL: <https://sto-ipm.ru/articles/faska-j-tipa-ryumochnaya-faska-primushchestva-i-otlichiya-oborudovanie-dlya-snyatiya-j-fasok/> (дата обращения: 20.12.2025).

героини достижение этой прочности становится высшей целью и смыслом жизни: «Жива не буду, а научусь калить “рюмки”-тонкостенки» [Там же: 221].

Причина тому одна. События в повести И. Ликстанова происходят не в мирное время, как в производственном романе 1930-х годов, а в трагические годы Великой Отечественной войны, когда от заводской продукции зависели жизни многих людей, жизнь всей страны. В повести работа на заводе приравнивается к битве на фронте. В связи с этим не случайно и появление в ее образной ткани выражений, соединяющих трудовое и боевое начала. В сознании героев они оказываются неразрывно слиты. Отсюда и глава о покорении нового трудового рекорда может быть названа не иначе как «Атака» [Ликстанов 1983: 374]. И именно так складывается значимое для молодых рабочих самоопределение «фронтная бригада»: «Есть в бригаде командир, есть политрук – словом, все как у военных, и бригада называется фронтной, потому что все трудятся самоотверженно, чтобы с честью выполнить священную клятву уральцев» [Там же: 313]. Писатель здесь с журналистской точностью воплощает трудовой почин, охвативший в годы войны всю советскую молодежь [Морозов 2013].

Преодоление сиротства как ключевой сюжет повести И. Ликстанова

Однако за этим производственным сюжетом открывается и другой, более глубокий. Основой повести И. Ликстанова, как легко увидеть, становится рассказ о сироте, обретающем свою семью. Сиротский сюжет по праву может считаться одним из центральных в детской литературе. Обретя детальную разработку в произведениях Ч. Диккенса, Г. Мало, Э. Портер, Ф. Бёрнетт, этот сюжет находит свой отклик и в русской литературе. Достаточно назвать имена А. Анненской, А. Свирского, В. Бюснаха, Л. Кормчего и мн. др. В XX в. внимание к судьбам детей, оставшихся без родителей, было обусловлено событиями революции и гражданской войны. Ряд имен, посвятивших свое творчество этой теме, будет необычайно широк. Это и И. Микитенко с его «Уркаганами», и Л. Сейфулина с повестью «Правонарушители», и В. Шишков с его романом «Странники», и Н. Картавий с рассказами о беспризорнике Кешке и его друзьях. Список может быть расширен. О важности категории сиротства для понимания художественной философии П. П. Бажова, старшего земляка И. Ликстанова, пишет Е. Харитоновна: «Образ сироты в сказках П. П. Бажова относится к числу постоянных. Сиротами в сказках нередко являются дети: Данилко Недокормыш (“Каменный цветок”), Даренка (“Серебряное копытце”), Дениско (“Жабреев ходок”), Федюнька (“Огневушка-Поскакушка”), Таятка (“Таяткино зеркальце”), Васенка (“Ключ земли”) ... В сказках П. П. Бажова сиротами являются не только дети, но и взрослые: Настасья (“Малахитовая шкатулка”), Илюха после смерти бабки Лукерьи (“Синюшкин колодец”), Катя после смерти

своих родителей (“Горный мастер”)¹. Однако если П. Бажов видит в сиротстве «покинутость и отпадение от мира» (Е. Харитоновна), то И. Ликстанов показывает именно его преодоление.

Как справедливо отмечает Т. Уиндлинг, «герой сирота – не просто часто встречающийся вообразимый образ, это мифологический архетип, берущий начало в древнейших истоках нашего мира» [цит. по Бухина 2011: 374].

Действительно, для понимания характера главного героя повести Кости Малышева его сиротство будет во многом определяющим. В начале произведения он одинок и показан затерянным в чужом, враждебном для него городе: «Холодный ветер срывал с туч капли дождя, короткий бушлатик и брюки из легкой серенькой материи защищали плохо, и мальчик съежился, соединив рукава муфточкой, стараясь согреть озябшие руки. Едва ли он спрашивал себя, что делать: делать было нечего» [Ликстанов 1983: 187]. Далее читатель узнает, что последнего близкого человека у Кости отняла война: «Лишь один по-настоящему родной человек остался у Кости – веселый, добрый Митрий, а отца и матери Костя не помнил: они давно умерли. Где Митрий? Далеко на фронте. Костя остался один» [Там же: 196].

Следует подчеркнуть, что печать сиротства коснулась и других героев повести. Теряет своих родителей Сева: «Вот исчезла Каменка – красивый, зеленый городок, где до войны люди жили хорошо и богато» [Ликстанов 1983: 343]. Оторван от своей семьи и Миша Полянчук: «У меня семья в Харькове осталась. Боюсь за них» [Там же: 197]. Не знает о судьбе своего отца и Катя Галкина, оставаясь с приемной матерью Ниной Павловной. Наконец, Зиночка Соловьева, секретарь комсомольской организации, прямо говорит о себе: «Я всех родных потеряла, и в личной жизни у меня ничего, ничего нет... – Ее голос сорвался, и она поскорее закончила: – Впрочем, при чем тут я... Я лишь хочу, чтобы вы поняли» [Там же: 314]. Война не щадит никого.

Образ сироты в повести И. Ликстанова никогда не был одноплановым. С одной стороны, это образ страдающего ребенка, оставшегося без родителей, он призван вызвать симпатию и сочувствие к его бедам. С другой стороны, через воплощение образа сироты автор приближается к решению одной из главнейших задач пишущего для детей – показать возможный путь взросления маленького человека. По справедливому замечанию Ф. Нела, которое приводит в своей статье О. Бухина, «литературные сироты словно позволяют заглянуть в замочную скважину и увидеть будущие радости и тревоги взрослой жизни вне родительского дома» [Бухина 2011: 378]. Образ сироты словно заключает в себе те проблемы реальности, которые требуют самостоятельного решения, когда уже нельзя полагаться на помощь и защиту близких.

Внешне Костя Малышев в изображении писа-

¹ Харитоновна Е. Репрезентация русской ментальности в сказках П. П. Бажова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2004. С. 20.

теля – это простой подросток, ничем не примечательный. И. Ликстанов подчеркивает одну деталь, как это видно из заглавия повести, – небольшой рост героя: «Какой же ты Малышев! Ты Малышок, ростом с вершок, да и то по большим праздникам» [Ликстанов 1983: 189]. Но этот маленький, внешне слабый ребенок оказывается способным освоить оборонное производство, сформировать заводскую «фронтную бригаду» и стать ее лидером: «Казалось, что все фронты кричат Уралу: “Больше оружия!”. С Уральских гор донесся спокойный ответ: “Клянусь – оружия дам сколько нужно”. Этот могучий голос сложился из миллионов голосов, и был среди них слабый голос, принадлежащий Константину Малышеву. Но голос этот шел от самого сердца» [Там же: 252].

Для И. Ликстанова важен контраст между невзрачной внешностью героя и его внутренней душевной силой. Но к этому и ведет традиция, сложившаяся в литературе вокруг образа сироты. Пройдя через потери и страдания, ребенок остается ребенком: он не утрачивает данных ему изначально положительных качеств – доброты, сопереживания, сочувствия, стремления к совершенству, умения честно трудиться. Именно таким и будет в изображении И. Ликстанова Костя Малышев. Он верен в дружбе, не способен на предательство. Поддерживает Севу, которого другие называют «Булкин-Прогулкин». Когда Катя заболевает, он, чтобы достать для нее шоколад, продает свое главное сокровище – золотой слиток, похожий на свиную голову: «На что он променял золотинок? Может быть, кто-нибудь сказал: на ничто! Но глупое, неправильное слово только рассмешило бы Костю. В этом “ничто” было и здоровье Катюши, и полная жизнь за колоннами, и может быть, добавочные “Буши”, и слава фронтной бригады, и ... Прощаясь с самородком, он становился богаче, чем он был» [Ликстанов 1983: 347].

Уместно привести в этом плане замечание И. Арзамасцевой об аксиологии образа ребенка в детской литературе: «Основная функция героя детской литературы – совершать необыкновенное, то есть являть собой чудо. Можно сказать, что чудо есть выражение высшей сущности избранного дитяти. Вместе с тем сам ребенок есть чудо, согласно эстетическим законам архаического фольклора и древних литератур... Он божественно мудр и девственно наивен» [Арзамасцева 2001: 39]. И. Ликстанов в одном из писем так определял замысел своей повести: «Мечтаю написать нечто вроде советского лорда Фаунтлероя» [Боголюбов 1957: 27]. Как видим, прообразом своего героя писатель называет не просто человека труда, а маленького мальчика, героя романа Ф. Бёрнетт, который стремится обрести семью и находит ее благодаря своим уму, доброте и благородству.

В данном контексте чудом становится то, что Костя, пройдя через все испытания, сумел сохранить в себе эти лучшие душевные качества. Он приходит из тайги, ему ведомо ремесло золотодобычи. Он наделяется не только редким характером, но и многими талантами, в которых, правда,

нет ничего сверхъестественного, но которые всегда необходимы на заводе. Не случайно его называют «виртуозом», или «снайпером молотка», способным воспитать собственных учеников: «Снайпер молотка Константин Малышев со своей помощницей Люсей Полисюк выдал щитков почти в два раза больше, чем Петр Зозюля со своей помощницей Женей Костиной» [Ликстанов 1983: 240].

Меняется эпоха, меняется и трактовка детского труда. Новаторство И. Ликстанова, пожалуй, и заключается в воплощении сиротского труда как радостного и творческого, причем показанного изнутри, через восприятие самого героя. Это легко увидеть при сопоставлении его повести с рассказом Д. Н. Мамина-Сибиряка «Вертел». В обоих произведениях действие происходит на Урале. И в том и в другом случае главными героями являются одинокие дети-сироты, каждый из которых занят на тяжелом производстве. Но для Прошки этот труд становится бессмысленным и саморазрушительным: он не понимает, для чего он «должен вертеть свое колесо с утра до ночи» [Мамин-Сибиряк 2024: 44]. Для Кости, живущего в советское время, труд – это возможность проявить себя, раскрыться, стать первым среди равных: «Щеки Кости запылали, волна радости смыла, унесла камень – нет, целую гору! – с его сердца. Прочь страхи, которые всю ночь мерещились ему, прочь сомнения! Смотрите, что делает “Буш”! Идите сюда, за колонны, и смотрите! Вот вам и подшефный Галкиной! Нет пускай Галкина поучится у него, так будет правильной!» [Ликстанов 1983: 279]. Показателен сам синтаксис этого отрывка: обилие восклицательных предложений придает внутренней речи героя возвышенно патетическую тональность.

Сопоставление с рассказом Д. Н. Мамина-Сибиряка позволяет увидеть еще одну особенность художественного мира И. Ликстанова. Прошка, герой предшествующей эпохи, так и остается одиноким, он не может разговаривать во время работы, даже с барыней Анной Ивановной он не может найти понимания. Герои же И. Ликстанова обретают свою силу только в единстве, становясь по-настоящему дружной семьей.

О важности образа семьи в романах 1930–1940-х годов, но семьи большой, понимаемой в государственных масштабах, писали многие исследователи [Кларк 2002: 176, Гюнтер 2000]. Есть отголоски этого образа и в повести И. Ликстанова. В ее раннем варианте в роли общего отца выступает сам Сталин. Герои пишут ему новогоднее письмо, видят в нем свою опору и защитника: «Имя вождя было первым, которое они знали с детства, которое они научились говорить вместе с именем отца и матери. Он был всегда возле них – заботливый и неутомимый, как их отцы и матери, могучий и добрый, как никто в мире. Он строил школы, дворцы пионеров, пионерские лагеря и технические станции, собирал ребят у пионерского костра, вел их в краеведческие походы, и возвратившись домой из Артека, из экскурсии, из лагеря, они видели, что он сделал родительский дом еще светлее, еще богаче. А теперь, когда враг хотел раз-

давить родную страну танками, когда враг хотел отнять их счастье, их светлое будущее, Сталин, бесстрашный, мудрый богатырь, бился за победу дни и ночи» [Ликстанов 1949: 88]. Но все же эта государственная проблематика уступает место глубоко личному пониманию семьи как круга близких людей. В повести писателю важно показать, что родственную связь на заводе обретают дети, пережившие страшную трагедию, перенесшие утрату своих близких, и потому связь эта должна быть для них наполнена простым душевным теплом и участием: «Поспела картошка, оладьи, какао на молоке, все получили шоколад, но даже и без этого пышного угощения вечер остался бы самым лучшим из всех вечеров в доме Галкиных. Если бы Косте предложили уступить хоть одну минуту за все самородки Урала, он ответил бы с презрением: “Подите прочь с вашим золотом!” Ему было хорошо среди людей, которые стали одной семьей и среди которых он занимал свое место – большое или маленькое, он об этом не думал» [Ликстанов 1983: 357].

И. Ликстанову действительно удается создать психологически точные образы юных рабочих. Он всегда умеет найти особую деталь, через которую показывает сложность и неоднозначность их внутреннего мира. Так, Костя Малышев, передовик производства, среди напряженного труда тоскует по своим потерянным родным. Его реакция на слова друга оказывается по-детски непосредственной: «– А почему я знал, что он на фронте! Услышав этот удивительный ответ, Миша убежденно заявил: – Нет, ты определенно ворона! Новая “ворона” переполнила чашу. Глаза Кости налились слезами, губы задрожали» [Ликстанов 1983: 192]. Очень трудно находит контакт со второй женой своего ушедшего на фронт отца Катя Галкина. Не случайно в повести ее зовут «поперечной душой» [Там же: 348]. В характере Севы Булкина сочетаются и наивная детскость – «он пьет чай со свистом, чтобы сэкономить сахар» [Там же: 299], и жгучее желание мстить за погубленную семью: «Если бы ты знал, что они с Каменкой сделали, они ее в зону пустыни превратили, проклятые!» [Там же: 305].

С одной стороны, дети в повести И. Ликстановова всегда остаются детьми, и в их работе на заводе есть элемент игры. Не случайно филиал завода они называют «Северным полюсом» [Ликстанов 1983: 206], а гору стружек на свалке «Гималаями» [Там же: 215]. Не случайно и их постоянное желание сбежать в тайгу, навстречу романтике и приключениям. Даже враг в их воображении предстает мистически сказочным существом: «Потом его глаза наполнил жгучий невидимый огонь. Он глядел в темноту и ему казалось, что там стоит кто-то черный, злобный и ненавистный – такой ненавистный, что сердце стало тяжелым, как свинец. До сих пор он далеко, а теперь стоял в двух шагах и насмешливо щерился» [Там же: 301].

С другой стороны, герои осознают, что их настоящее «приключение» здесь, на заводе, и их работа, их труд становятся мерой их взросления. Справедливо в этом плане замечание К. Боголюбова: «Герои-подростки перевоспитываются в кол-

лективе, в процессе общего дела, творческого труда. Сева Булкин, узнав, что немцы уничтожили его родную Каменку, становится одним из лучших членов фронтовой бригады. Расстается с мечтой о синем тумане “великий конспиратор” Коля Глухих, “поперечная” Катя преодолевает неприязнь к Нине Павловне, жене пропавшего без вести отца» [Боголюбов 1957: 22].

В образах героев И. Ликстановова воплотился тот тип ребенка, который сложился в советской литературе в 1930–1940-е годы. Переключки с «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко несомненны. Однако, на наш взгляд истоки образов Малышка и его товарищей укоренены в более глубокой традиции, что делает их узнаваемыми и понятными для юных читателей. Можно вспомнить здесь и знаменитого сказочного героя Мальчика-с-пальчик. Именно таким будет трудолюбивый и рассудительный Влас из поэмы Н. А. Некрасова «Крестьянские дети»: «И, шествуя важно, в спокойствии чинном, // Лошадку ведет под уздцы мужичок // В больших сапогах, в полубашке овчинном, // В больших рукавицах... а сам с ноготок!» [Некрасов 1971: 178]. Определение же главного героя повести И. Ликстановова звучит так: «Ты Малышок, ростом с вершок, да и то по большим праздникам» [Ликстанов 1983: 189].

Характерно, что некрасовский образ «мужичка с ноготок» был воспринят и литературой периода Великой Отечественной войны. Так, в стихотворении С. Михалкова «Данила Кузьмич», написанном в 1944 году, можно найти буквальное повторение этих строк. Советский поэт так описывает мальчика, шагающего по заводскому цеху: «А сам мужичок с ноготок знаменитый // По шумному цеху шагал деловито. // И кто мог подумать, что в эту минуту // Его вспоминали в сражении лютом» [Михалков 1981: 108]. Герой С. Михалкова именуется себя уважительно – по имени отчеству: «Данила Кузьмич будет прозвище наше». Вспомним, что именно так представляется и главный герой повести И. Ликстановова: «Малышев Константин Григорьевич, – внятно проговорил мальчик, не изменив направление взгляда» [Ликстанов 1983: 189]. Сближают обоих героев и сама манера поведения, их умение говорить по-взрослому. Так, маленький рабочий из стихотворения С. Михалкова на расспросы о своей жизни «сердито отвечает басом солидным».

Подобный же тип ребенка, серьезного не по годам, возникает в те годы и в прозе. Так, в рассказе Л. Пантелеева «На ялике», созданном в 1943 году, появляется образ, обликом своим и всей судьбой напоминающий Малышка И. Ликстановова: «Лицо у него было худенькое, серьезное, строгое, темное от загара, только бровки были смешные, детские, совершенно выцветшие» [Пантелеев 1967: 96]. Вновь отмечаем контраст между внешней детскостью и внутренней взрослостью. К нему также обращаются по имени отчеству – «Матвей Капитоныч», он также отдает всего себя труду на благо других, перевоза людей с одного берега на другой, в труде своем он заменяет отца, погибшего от немецких орудий.

Детали, перекликающиеся с повестью И. Ликстанова, мы можем отметить и в произведении Л. Кассиль «Дорогие мои мальчишки» (1944) в связи с образом Капки Бутырёва: «“Работник!” – говорили про него. Только ростом он был еще очень мал, да и годами еле-еле вышел для училища» [Кассиль 2025: 71]. Почти такие же слова произносятся в адрес Малышка и в повести И. Ликстанова: «Он не маленький, он только коротенький, – с самым серьезным видом объяснил Миша. – Ему исполнилось неполных пятнадцать лет в прошлый вторник. Я точно знаю. – И он подмигнул ребятам стоящим в очереди» [Ликстанов 1983: 190].

Однако художественную цельность тип подрастающего рабочего уже в послевоенное время обретает именно в повести И. Ликстанова. И. Лупанова пишет: «И вряд ли правильно было бы сказать, что книга посвящена рассказу о его, Кости, приключениях, его трудовом подвиге, его духовном возмужании. Потому что в не меньшей мере посвящена книга рассказу о делах, тревогах, срывах и победах молодежной заводской бригады, состоящей сначала из четырех, а в конце повести из пяти детей с разными судьбами, разными характерами. Все они становятся в эти тяжелые для страны дни на трудовую вахту, все они растут и мужают на страницах книги, сплываясь постепенно в коллектив с единым большим и сильным сердцем» [Лупанова 1969: 372]. По мнению исследовательницы, в образе Малышка и его друзей находят свое обобщение опыт многих мальчишек и девчонок, пришедших на завод в годы войны, заменивших у станков своих отцов и старших братьев. И. Ликстанов задает в своей повести духовные ориентиры, показывает ту перспективу, к которой можно и должно стремиться. И. Лупанова продолжает: «По существу, Костя уже сложившийся характер. И распределение акцентов в книге почти такое же, как в гайдаровском “Тимуре”. Автора интересует не столько его, Кости, личное возмужание, сколько проблема доброго влияния такого характера на окружающих, проблема вожака в коллективе» [Там же].

Своеобразие лиризма в повести И. Ликстанова

Известно, что сам И. Ликстанов называл свое произведение «уралмашевской поэмой» [Боголюбов 1957: 23]. В критике отмечается, что тем самым он хотел подчеркнуть общность своего «Малышка» с «Педагогической поэмой» А. С. Макаренко, которая, как мы уже отмечали, была для него одним из идейных ориентиров.

Лирическая составляющая в повести, действительно, оказывается очень сильной. В повествовательной ткани «Малышка» есть ряд фрагментов, написанных в форме несобственно-прямой речи. Прежде всего эти отрывки передают сознание героев: «Где Митрий? На фронте... Фронт – это, наверно, вроде той поляны, где Митрий принял на длинный вогульский нож большого медведя и где они с Митрием потом свеживали жирную тушу. Только на фронте вместо медведя – немец-фашист. Убил Митрий фашиста? Непременно убил, и не одного фашиста, а много, не счесть»

[Ликстанов 1983: 195]. В этом отрывке явно звучит простая и чуть наивная речь ребенка. Но постепенно повествовательная ткань повести существенно усложняется: «Митрий, Митрий, как же это так, большой брат Митрий! Как же смог убить тебя фашист? Ведь ты медведя убил. Ты белку бил малой пулькой в ее быстрый глазок, чтобы не портить шкурку. Ты за сохатым бежал быстрее ветра, и зверь не мог уйти, – как же это убил тебя фашист?! Ты бы не поддался ему, Митрий! Ты бы ударил его насмерть длинным ножом и руками придушил бы его, а коли что, так и зубами бы грыз его проклятого...» [Там же: 300]. Здесь за словом героя можно услышать голос взрослого человека, опирающегося на высокую поэтическую традицию – традицию народного плача. Отсюда и особая трагическая тональность, и безответное вопрошание, и многократные повторы-обращения.

Постепенно голос автора активизируется. Он открыто дает оценки своим героям, комментирует все происходящее: «Еще веселее Костя застучал молотком. Клава раскраснелась, огненная челка прилипла ко лбу, но, когда работа спорится, человек не замечает усталости» [Ликстанов 1983: 225]; «Бывает так, что после бури ветер сложит крылья, тучи останутся на небе и наступит тишина. Такая тишина охватила Костю» [Там же: 301]; «Итак, соблюдалась полная тайна-конспирация. Тем большей неожиданностью явился для Кости один разговор с Ниной Павловной» [Там же: 303].

Его комментарии приобретают больший объем, и в повести выстраивается целая линия лирических отступлений – открытого разговора автора со своими юными читателями о важных жизненных проблемах, затрагивающих каждого: «Что такое партизанский край? Вот что такое: далеко за линией фронта, в тылу вражеской армии объединились десятки партизанских отрядов, освободили от фашистов большой кусок земли и восстановили там Советскую власть. Фашисты посылают против партизан карательные отряды-экспедиции, но эти экспедиции исчезают бесследно – их уничтожают партизаны» [Ликстанов 1983: 383]; «Каждый человек переживает золотые минуты, когда он учится важному и интересному делу. В такие минуты сердце бьется радостно, и радость остается на всю жизнь. Как сразу вырос Костя, когда на Лешне-охоте сбил свою первую белку» [Там же: 262]; «Праздник шел по Уралу. Если бы вы спросили, где он начался, каждый труженик ответил бы: “У нас!” – и сказал бы правду. Машинисты экскаваторов на железных горах Высокой, Благодати, Магнитной вдвое быстрее наполняли тяжелой рудой вагоны, потому что начался праздник. Пушкери Перми посылали на полигонные испытания все больше пушек, потому что праздник начался» [Там же: 379]. Обратим внимание на расширение кругозора в последнем отрывке, а также на лексические повторы, придающие авторскому повествованию особый ритм.

Лирическое начало проявляется в осмыслении самого образа завода, который воспринимается писателем прежде всего музыкально. Каждый станок, каждый цех, каждая рабочая деталь в его

изображении несет свою мелодию, вливающуюся в общий хор голосов: «Вот Большой завод, что басом гудит» [Ликстанов 1983: 233]; «Вдруг послышался высокий звук, прозрачный и чистый, как струя ледяной воды, и такой тонкий, что в ушах зазвенело. Это дрожала под резцом сталь, это проснулась душа металла. – Запел, – ласково сказал рабочий» [Там же: 246]; «Вот почему наш снаряд называют “катюшей”: он хорошо поет, – сказал Миша. – Когда “катюша” летит, то будто небо на куски лопается и хвост огненный получается» [Там же: 235].

Но рядом с этой музыкой станков звучит и песня людей: «Внизу что-то мягко зазвенело и голоса слились в незнакомую красивую песню» [Ликстанов 1983: 227]; «Тотчас зазвенели голоса девчат. Все запели» [Там же: 244]; «Как только машина тронулась, все запели, и громче всех Зиновья – ее голосок был острый как шильце, и все высовывался из кучи других голосов» [Там же: 217]; «В дальнем конце цеха зазвенел голос, потом еще один, затем все запели» [Там же: 235].

Подобная образность сближает прозу И. Ликстанова с лирической поэзией. Ближайшим аналогом можно назвать творчество пролетарских поэтов. Прямого заимствования здесь нет, но образный и мотивный ряды оказываются достаточно схожими. Так, в одном из текстов А. Гастева звучат следующие строки: «Шеренги и толпы станков, подземные клокаты огненной печи... – вот наши песни, религия и музыка... Вселенная наполнится тогда радостным эхом труда, и неизвестно где еще рожденные аккорды зазвучат еще о больших, незримо и незримо и немыслимо далеких горизонтах» [Гастев 2024: 140].

В кульминационных моментах повести И. Ликстанова можно отметить и использование приемов, свойственных скорее стиху, чем прозе, в частности звукописи, передающей мелодику труда: «Не сталь резала сталь, а он, Константин Малышев, вспотевший и счастливый, резал ее своей волей. Он имел в жизни несколько золотых минут, но эта минута была самая удивительная. Он, Костя Малышев, превращал черную, грубую заготовку в блестящую деталь “катюши”, он был хозяином станка и хозяином металла» [Ликстанов 1983: 263]. На содержательном уровне здесь можно отметить мотив единства, буквальной сращенности человека и станка, поэтизацию самого процесса труда, также звучащего в произведениях А. Гастева: «В жилы льется новая, железная кровь. // Я вырос еще. // У меня у самого вырастают стальные плечи и безмерно сильные руки. Я слился с железом постройки» [Гастев 2024: 140]. В плане формальном важным оказывается сама звуковая оркестровка текста, словно воспроизводящая движение раскручивающегося станка. Начинающееся вращение передается с помощью нагнетания шипящих звуков («сталь, вспотевший, счастливый, своей»), затем резец соприкасается с деталью – активизируется грозный звук «р» («резал, превращал, черную, грубую»). Наконец появление готовой продукции, гладкой и звенящей, передается с помощью аллитерации на звонкий «л» («блестящую, деталь, металла»).

Особый характер свойственен и символике «Малышка». Так, в повести неоднократно встречается образ синего тумана, значение которого существенно расширяется по мере сюжетного движения. Вначале это часть мира детства, простая ребяческая выдумка, не вызывающая доверия: «– Что за синий туман? ... Когда Костя кончил повесть о Святом озере с поющими рыбами и золотым дном, путь к которому знает старый Бахтияров, Миша спросил: – Извиняюсь, гражданин, зачем вы мне рассказываете детские сказки? Неужели ты веришь глупостям?» [Ликстанов 1983: 231]. В эпилоге повести образ синего тумана обретает мифопоэтические черты: «И лежит тот туман и три, и четыре дня, а потом ветер дунет и снимет его, как не бывало. ... А озеро такое – Святое озеро. Кругом горы стоят, а оно внизу. Не велико то озеро, а другого такого нигде нет. Три речки в озеро падают, а куда уходят, не поймешь. То озеро кипит-кипит, а вода холодная, рука не терпит. И рыбы в том озере большие, лазоревые и поют» [Там же: 396]. Меняется стиливая окраска повествования, появляется сказовая тональность, близкая к народному слову. Да и сам образ Синего тумана отсылает к уральской мифологии. Как пишут Е. Березович и Е. Иванова, «с образом тумана связана знаменитая (бабка, девка) Синюшка – героиня сказа Бажова “Синюшкин колодец”. Над ее волшебным колодцем клубится синий туман, отсюда и номинация персонажа, предстающего в виде старухи (девушки) в синей одежде и с синими глазами. Бажов отмечал, что слышанные им когда-то народные рассказы про синий туман отличаются от его сказа. Этот сказ, как и народные предания, основан на приметах горняков и старателей: медный колчедан делает грунтовую воду в коях и шахтных колодцах синей, а синеватый туман в сырую погоду указывает на залежи медной руды» [Березович 2023: 213]. Образ синего тумана в эпилоге мыслится автором как часть огромной, богатой Уральской земли, ставшей родной и для него самого. В эпилоге в этом образе оказывается заключен целый комплекс мотивов. Здесь и желание добыть спрятанные сокровища, покорить еще неразведанный край, здесь и мечта о мирной жизни, по которой так истосковались герои: «Но все-таки в синий туман мы пойдем, правда? – спросила Катя. Костя поднял на нее глаза и улыбнулся: – Ясное дело, пойдем! Время будет – все пойдем! Дай я тамгу спрячу, а то потеряешь...» [Ликстанов 1983: 398].

Заключение и выводы

Итак, проблематика повести И. Ликстанова «Малышок», конечно же, не сводима только к изображению работы подростков на заводах в годы Великой Отечественной войны. В своем проведении он затрагивает вопросы вневременного плана, касающиеся феномена детства как такового. Здесь следует назвать прежде всего преодоление сиротства, обретение ребенком семьи, да и самого себя в трагически сломанном мире. За этим преодолением открывается путь к духовному становлению личности, но пройти этот путь, по мне-

нию писателя, сможет лишь тот, кто сумел сохранить в себе такие качества, как доброта, честь, благородство и, конечно же, умение трудиться на благо других. В осмыслении этой проблемы, как мы пытались показать, И. Ликстанов опирается на мощную литературную традицию, что ставит его произведение в один ряд с лучшими образцами детской классики. Именно поэтому его повесть не

утрачивает актуальность и в настоящее время. Не менее сложной оказывается и стилистика повести, сочетающая в себе репортерскую точность и проникновенный лиризм. И авторские отступления, и метафоричность образов, и особая символика делают произведение И. Ликстанова живым свидетельством трагических страниц истории не только Уральского края, но и всей страны в целом.

Источники

- Гастев, А. Поэзия рабочего удара: Лирика трудовой жизни, рабочего движения и социальной романтики от гения науки об управлении и организации труда. / А. Гастев. – Изд. 2-е. – Москва : ЛЕНАНД, 2024. – 304 с.
- Кассиль, Л. Дорогие мои мальчишки : повесть / Л. Кассиль. – Москва : Издательство «АСТ», 2025. – 320 с.
- Ликстанов, И. Малышок / И. Ликстанов. – Ленинград : Газетно-журнальное и книжное издательство, 1949. – 288 с.
- Ликстанов, И. Малышок / И. Ликстанов // Василенко И. Д. Волшебная шкатулка; Артемка в цирке. Неверов А. С. Ташкент – город хлебный. Ликстанов И. И. Малышок. Мусатов А. И. Стожары. Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома. – Москва : Детская литература, 1983. – С. 185–398.
- Мамин-Сибиряк, Д. Рассказы / Д. Мамин-Сибиряк. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2024. – 63 с.
- Михалков, С. Детям: Стихи, сказки, рассказы, басни, пьесы / С. Михалков. – Москва : Детская литература, 1981. – 590 с.
- Некрасов, Н. Стихотворения. Поэмы / Н. Некрасов. – Москва : Художественная литература, 1971. – 702 с.
- Пантелеев, Л. Повести и рассказы / Л. Пантелеев. – Ленинград : Детская литература, 1967. – 592 с.

Литература

- Арзамасцева, И. Н. Детская литература : учебник для студ. высш. и средних пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – 2-е изд. – Москва : Издательский центр «Академия» ; Высшая школа, 2001. – 272 с.
- Березович, Е. Л. К реконструкции горной мифологии Урала: мифонимы, мотивированные лексикой неживой природы / Е. Л. Березович, Е. Э. Иванова // Антропологический форум. – 2023. – № 58. – С. 209–246. – DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-209-246. – EDN AMJIJD.
- Боголюбов, К. Иосиф Ликстанов. Критико-биографический очерк / К. Боголюбов. – Москва: Детгиз, 1957. – 47 с.
- Бухина, О. Гадкий утенок, Гарри Поттер и другие. Путеводитель по детским книгам о сиротах / О. Бухина. – Москва : Компас-гид, 2017. – 320 с.
- Бухина, О. Чего может добиться гадкий утенок: психологический портрет сироты в детской литературе XIX–XX вв. / О. Бухина // Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. – Москва ; Санкт-Петербург : Азимут ; Нестор-история, 2011. – С. 374–398.
- Все для фронта! Все для победы! Сборник / сост. и автор предисловия С. В. Полюганов ; комментарии А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург : Фонд Бажова, 2020. – 100 с.
- Гюнтер, Х. Архетипы советской культуры / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон. – Санкт-Петербург : Академический Проект, 2000. – С. 743–784.
- Кларк, К. Советский роман: история как ритуал / К. Кларк ; пер. с. англ. под ред. М. А. Литовской. – Екатеринбург : Издательство Уральского государственного университета, 2002. – 262 с.
- Лупанова, И. П. Полвека. Очерки / И. П. Лупанова. – Москва : Детская литература, 1969. – 672 с.
- Морозов, А. С. Победа ковалась в тылу: Фронтовые бригады Великой Отечественной войны / А. С. Морозов // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2013. – № 2 (34). – С. 126–133. – EDN RUSYIR.
- Русская литература для детей : учебное пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / под ред. Т. Д. Полозовой. – Москва : Издательский центр «Академия», 1998. – 512 с.
- Харитоновна, Е. Повесть И. И. Ликстанова «Малышок»: проблематика и поэтика / Е. Харитоновна // Детская книга в системе патриотического воспитания: 65-летию победы посвящается : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 10–11 февраля 2010 года / отв. ред. А. Н. Садриева ; Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. – Нижний Тагил, 2010. – С. 108–113.
- Хеллман, Б. Сказка и быль: История русской детской литературы / Б. Хеллман. – Москва : Новое литературное обозрение, 2016. – 560 с.

References

- Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. (2001). *Detskaya literatura = Children's literature*. 2nd edition. Moscow: Akademiya Publishing House; Vysshaya shkola Publishing House, 272 p.
- Berezovich, E. L., Ivanova, E. E. (2023). K rekonstruktsii gornoy mifonimii Urala: mifonimy, motivirovannye leksikoy nezhiyvoy prirody = Towards the reconstruction of the Ural mountain mythonymy: Mythonyms motivated by the vocabulary of inanimate nature. *Anthropological Forum*, 58, 209–246. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-209-246. EDN AMJIJD.
- Bogolyubov, K. (1957). *Iosif Likstanov. Kritiko-biograficheskiy ocherk = Joseph Likstanov. A critical and biographical essay*. Moscow: Detgiz Publishing House, 47 p.

Bukhina, O. (2011). Chego mozhet dobit'sya gadkiy utenok: psikhologicheskiy portret siroty v detskoy literature XIX–XX vv. = What the Ugly duckling can achieve: A psychological portrait of an orphan in children's literature of the 19th–20th centuries. *Constructing the child: Philology, History, anthropology*, 374–398. Moscow; Saint Petersburg: Azimut Publishing House; Nestor-istoriya Publishing House.

Bukhina, O. (2017). Gadkiy utenok, Garri Potter i drugie. Putevoditel' po detskim knigam o sirotakh = The Ugly Duckling, Harry Potter and others. A guide to children's books about orphans. Moscow: Kompas-gid Publishing House, 320 p.

Clark, K. (2002). Sovetskiy roman: istoriya kak ritual = Soviet Novel: History as a Ritual. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural State University, 262 p.

Gunter, H. (2000). Arkhetipy sovetskoy kul'tury = Archetypes of Soviet culture. *The Socialist Realism canon*, 743–784. Saint Petersburg: Akademicheskii Proekt Publishing House.

Hellman, B. (2016). Skazka i byl': Istoriya russkoy detskoy literatury = Fairy Tale and Past: The History of Russian children's literature. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publishing House, 560 p.

Kharitonova, E. (2010). Povest' I. I. Likstanova «Malyshok»: problematika i poetika = Likstanov's Novella "Malyshok": Problematics and poetics. *A children's book in the system of patriotic education: Dedicated to the 65th anniversary of victory*, 108–113. Nizhny Tagil.

Lupanova, I. P. (1969). Polveka. Ocherki = Half a Century. Essays. Moscow: Detskaya literatura Publishing House, 672 p.

Morozov, A. S. (2013). Pobeda kovalas' v tylu: Frontovye brigady Velikoy Otechestvennoy voyny = Victory was forged in the rear: Front-line brigades of the Great Patriotic War. *Scientific and Information Journal Army and Society*, 2(34), 126–133. EDN RUSYIR.

Polozova, T. D. (Ed.). (1998). Russkaya literatura dlya detey = Russian literature for children. Moscow: Akademiya Publishing House, 512 p.

Vse dlya fronta! Vse dlya pobedy! = Everything for the front! Everything for victory! (2020). Ekaterinburg: Bazhov Foundation, 100 p.

Данные об авторе

Петров Илья Вадимович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет, Российская Федерация, г. Екатеринбург, f39234@yandex.ru

Author's information

Petrov Ilya Vadimovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Methods of Its Teaching, Ural State Pedagogical University, Russian Federation, Ekaterinburg

Дата поступления: 04.02.2026; дата публикации: 31.03.2026

Date of receipt: 04.02.2026; date of publication: 31.03.2026